

- К столу! - провозгласил евнух, и лишь после этого сигнала чиновники, пребывавшие в благоговейном трепете, поднялись со своих мест, чтобы занять предназначенные им позиции.

Под бдительным присмотром дворцовых слуг Ин Фушэн медленно проследовал в главный зал, где для принцев уже были заранее подготовлены места.

Сановники, один за другим, склонились в глубоком поклоне. Сгибаясь в ответном жесте почтения, Ин Фушэн сквозь щели между пальцами заметил вдалеке знакомый, властный силуэт.

Когда этот образ окончательно предстал перед его глазами, он узнал императора. Под императорской короной виднелись суровые, сдвинутые к переносице брови и пронзительный, проникающий в самую душу взгляд. Его лицо, выглядевшее в эти годы куда более молодым, чем в те времена, что ждали его в будущем, ничуть не утратило своего природного величия. В его облике всё ещё жило яростное дыхание былых битв, и стоило правителю бросить мимолётный взгляд на окружающих, как те мгновенно замирали, словно испуганные цикады, скованные невидимыми цепями страха.

Евнухи, низко опустив головы и стараясь быть максимально незаметными, следовали за правителем, пока тот не занял своё высокое место на троне. Жемчужные нити, спускавшиеся с его короны, тихо и мелодично звякнули. Император медленно окинул взглядом всех собравшихся - и без единого слова его властное присутствие, подобающее истинному Сыну Неба, плотным коконом накрыло весь павильон Любования Луной.

Взгляд императора скользнул по рядам гражданских и военных чиновников и, наконец, остановился на главе военачальников. Там, с невозмутимым видом, восседал только что вернувшийся в столицу генерал Ци Шэнь. Он уже успел сменить тяжелые, забрызганные кровью и грязью доспехи на парадное одеяние, однако годы, проведённые в бесконечном ожидании новых сражений, наложили на него неизгладимый отпечаток постоянного внутреннего напряжения. Он походил на туго натянутую струну или на дикого, голодного волка, готового в любой миг совершить стремительный прыжок и нанести смертельный удар.

Позади него, словно тень, стояла группа других военачальников.

Клан Ци был правой рукой императора, верным клинком, который долгие годы следовал за ним

в самых изнурительных походах. В этот раз, когда император триумфально вернулся в столицу, заслуги клана Ци были неоспоримы и велики, поэтому им было даровано особое, исключительное разрешение оставить армию Ци в пригороде.

Одного лишь их присутствия в зале было более чем достаточно, чтобы внушить подсознательный страх многим гражданским чиновникам, привыкшим к комфорту кабинетов, а не к запаху пороха и крови.

- Брат Ци, - мягко улыбнувшись, произнес император.

Ци Шэнь широким, уверенным шагом вышел из строя, выпрямив спину. Он склонился в глубоком поклоне:

- Ваше Величество.

Император остался доволен, и его взгляд переместился за спину Ци Шэня.

Среди военачальников, отличавшихся могучим, грузным телосложением, за Ци Шэнем следовал юноша. Он ничуть не уступал своим дядям и старшим товарищам по оружию; когда он склонился в поклоне вслед за отцом, его движения были такими же четкими, выверенными и решительными, как у настоящего, закаленного в боях воина.

Военачальники клана Ци стояли в зале, словно неприступная каменная стена, и окружающие чиновники то и дело украдкой бросали на них опасливые взгляды. Когда Ин Фушэн поднял глаза, эти грозные генералы попали в его поле зрения, особенно те двое, что возглавляли клан Ци. Он на мгновение задумался, но, почувствовав, что на него устремился чей-то тяжелый, изучающий взгляд, поспешно опустил голову, стараясь избежать встречи с глазами этих проницательных «волков».

- Сегодня мы собрались здесь, чтобы разделить общую радость, так что не нужно излишней скованности. Господа, прошу всех к столу, - произнес император.

Всего несколько простых слов, но старые сановники тут же начали воспевать мудрость государя, а остальные чиновники с готовностью присоединились к общим поздравлениям.

Ин Фушэн постепенно пришел в себя. Вокруг него гулом раздавались голоса, славящие

великого правителя. Даже после долгого отсутствия и изнурительных военных походов величие императора ничуть не померкло, а лишь окрепло.

В молодости он расширял границы государства силой оружия, был решителен в казнях и не был лишен глубокого стратегического ума. Он умело сочетал милость и строгость, что и создало десятилетие беспрецедентного процветания Великой Юань. Как и сейчас: стоило ему произнести лишь одну короткую фразу, как всё волнение в сердцах чиновников мгновенно улеглось.

Таким был его отец.

Ин Фушэн следовал за другими принцами. Подняв голову, он мельком взглянул на величественную фигуру, восседающую на высоком троне. В прошлой жизни, когда он в последний раз видел отца, тот пребывал в неописуемой ярости. Последним воспоминанием об этом человеке остался глубокий, пронзительный взгляд, полный горького разочарования. Не говоря лишних слов, император тогда приказал заточить его в самой глубине дворца, полностью отрезав от внешнего мира. Позже, будучи узником холодного дворца, он так и не получил разрешения увидеть его снова до самого дня смерти правителя.

Он с усилием отбросил эти мрачные мысли и занял свое место, следуя за указаниями слуг.

Император сел, зазвучала торжественная музыка, и дворцовый пир официально начался.

На высоком помосте император беседовал с императрицей Сюй. Атмосфера между супругами была весьма теплой и гармоничной, и многие из-за этого начали с любопытством поглядывать в сторону принцев.

Особенно их внимание привлекло место, где должен был сидеть наследный принц. И тут они заметили, что в рядах принцев стало на одно место больше.

- Кто это?

- Это шестой принц.

На Ин Фушэна устремилось множество недоуменных и изучающих взглядов.

Шестой принц был рожден наложницей Нин. Несколько лет назад клан Нин оказался замешан в громком скандале и на время потерял доверие императора. Лишь в последние годы их положение начало постепенно восстанавливаться, а господин Нин после долгих и изнурительных интриг наконец получил должность помощника министра.

Все эти годы наложница Нин вела себя в гареме крайне скромно и доброжелательно, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, поэтому её репутация оставалась безупречной. К тому же шестой принц, будучи слабым здоровьем и совершенно не отличавшимся талантами, был среди всех детей императора самым незаметным. Обычно он редко посещал подобные дворцовые пиры, и многие из присутствующих видели этого принца, вечно лежавшего на больничной койке, впервые, поэтому невольно задержали на нем взгляд.

Сегодня он занял место в ряду принцев по особому, милостивому разрешению вдовствующей императрицы Сяо, расположившись прямо позади наследного принца.

Заметив, что многие смотрят на него и Ин Фушэна, наложница Нин испытала не только привычную нервозность, но и внезапный прилив глухой злости: «Если бы этот паршивец не вылез из своей норы, проблем было бы куда меньше».

Сегодня здесь собрались самые важные и влиятельные сановники, и любая, даже самая незначительная мелочь в рядах принцев не могла ускользнуть от цепких глаз этих старых лис.

Наследный принц был ещё совсем юн, однако уже сейчас всю проявлял свои выдающиеся таланты, а поскольку императрица происходила из влиятельного клана Сюй, особое внимание императора к нему было не просто ожидаемым, а неизбежным. Что же до шестого принца... при упоминании о нём чиновники лишь многозначительно переглянулись, и каждый из них погрузился в свои собственные, далеко не всегда лестные мысли.

Вскоре торжественные звуки музыки вновь заполнили пространство зала, и все присутствующие окончательно погрузились в атмосферу праздничного веселья. Однако, когда официальные церемониальные действия подошли к концу, настало время для одной из самых ответственных частей вечера – подношения даров.

Это была, пожалуй, важная часть всего пира, особенно с учётом того, что сегодня праздновался день рождения вдовствующей императрицы Сяо. Родственники императорской семьи и высокопоставленные чиновники заранее, с величайшим тщанием, подготовили свои подарки. Поскольку государь не возвращался в столицу целых два года, его нынешнее

триумфальное возвращение, сопровождавшееся суровой чисткой двора и стремительным возвышением военачальников, превратило обычное подношение даров в тонкий и опасный способ выразить свою непоколебимую лояльность новому порядку.

Евнухи с торжественным видом зачитывали длинные списки даров, присланных различными кланами и отдельными чиновниками. Император лишь мельком, почти равнодушно, взглядывал на подносимые вещи, не говоря ни слова, и лишь изредка задавал какие-то уточняющие вопросы вдовствующей императрице Сяо.

Тем временем среди принцев каждый был глубоко погружен в свои собственные думы. Если не считать четвертого принца, который безвременно скончался ещё в раннем детстве, у государя было трое взрослых сыновей. Все они к этому времени уже имели собственные роскошные резиденции и были официально допущены к участию в государственных делах. Старший принц занимал пост в министерстве финансов, второй служил в министерстве общественных работ, и у каждого из них в голове зрел свой собственный, тщательно продуманный план на будущее.

Старший принц, будучи первенцем, обладал особым, привилегированным статусом. Именно он первым вышел вперед, чтобы преподнести ценный и редкий дар – оружие, выкованное из легендарной тысячелетней черной стали. Великая Юань всегда славилась своей воинственностью и культом силы, а вдовствующая императрица Сяо сама происходила из прославленной семьи генералов. Во дворце даже имелись собственный императорский зверинец и специально оборудованная площадка для военных тренировок. Когда это искусно изготовленное оружие вынесли на помост, присутствующие военачальники не скупались на громкие похвалы. Этот подарок был создан специально для вдовствующей императрицы Сяо – это был изящный мягкий меч, которым она мастерски владела в годы своей молодости.

На фоне столь впечатляющего подношения подарки второго и третьего принцев выглядели довольно обыденно и даже блекло.

В этот самый момент восьмой принц, за которым обычно неусыпно присматривали наложницы, внезапно выскочил вперед. Он стремительно подошел к центру зала и с нарочито важным видом низко поклонился:

- Отец, я тоже подготовил подарок для бабушки!

Императрица Сюй лишь беспомощно и тихо вздохнула. Восьмой принц не раз проявлял свою крайнюю избалованность, и этот его внезапный порыв был слишком опрометчивым. То, что с торжественным видом внесли слуги, оказалось довольно вычурной, чрезмерно украшенной подставкой для дрессировки зверей. На самом деле это был один из подарков, которые императрица Сюй заранее подготовила для восьмого принца, но ребенок, тщательно выбирая из предложенного, остановился на самом броском и кричащем варианте.

- Характер Сяо-Ба совсем не изменился, - император сохранял внешнее спокойствие и не стал ругать сына за подобную выходку.

Он просто сидел на своем месте, а все окружающие внимательно следили за малейшим движением его лица, пытаясь угадать истинное отношение государя к этому подарку. Однако предпочтения императора всегда оставались загадкой, и даже после множества ценных даров он не проявил к ним особого, живого интереса.

Наследный принц в этой ситуации вел себя безупречно и подобающе своему статусу. Он не выказал ни тени раздражения из-за того, что его бесцеремонно опередили, и лишь мягко, с легкой улыбкой посмотрел на восьмого принца. Впрочем, в глубине его глаз промелькнуло явное облегчение - он был искренне рад, что заранее решил изменить свой подарок на что-то более уместное. Как будущий правитель, наследный принц занимал самое почетное место, располагаясь рядом с другими принцами.

После того как восьмой принц закончил свою выходку, наследный принц тактично заступился за него:

- Восьмой брат по-детски наивен, но он вложил очень много сил и души в выбор этого подарка.

И действительно, в этот самый момент император перевел взгляд на наследного принца. Тот пользовался огромной любовью государя, а благодаря своим выдающимся талантам, проявленным еще в раннем детстве и отмеченным мудрым наставником, он уже давно был официально объявлен единственным наследником престола.

- Наследный принц заметно подрос, - заметил император.

Вернувшись в столицу, он слышал немало восторженных похвал в адрес своего сына. Теперь же, увидев его спустя долгое время, он окончательно убедился, что мальчик действительно выглядит достойно и статно.

Вдовствующая императрица Сяо ласково улыбнулась, тоже похвалила наследного принца и, медленно попивая воду из чаши, вскользь упомянула о делах и успехах других принцев. Взглянув на их ряды, она внезапно заметила тихо сидящего Ин Фушэна:

- Сяо-Лю тоже неплох.

Император бросил беглый взгляд на худощавую, почти прозрачную фигуру в самом конце ряда. Он слегка, почти незаметно кивнул, но в его глазах не отразилось никакого особого интереса.

В наступившей внезапно тишине наследный принц медленно поднялся со своего места. Проходя мимо Ин Фушэна, он даже не удостоил его мимолетным взглядом, словно тот был лишь частью дворцового убранства. Выйдя в самый центр зала, он торжественно произнес:

- Дракон мчит над бескрайним морем, поднимая столбы пыли, тигр рычит на северных рубежах, смиряя строптивых коней. Дым великих сражений рассеялся, являя миру небесное величие, и все земли смиренно склонились перед ним.

Как только эти слова прозвучали, все присутствующие в зале единодушно устремили на него свои взоры. Десятилетний наследный принц продемонстрировал поистине блестящие знания и глубокий литературный вкус. Всего в двух строках он виртуозно воспел величие военных походов императора и тонко намекнул на грядущее, неизбежное объединение всего мира под его неоспоримой властью.

Наследный принц стоял с идеально прямой спиной, устремив взгляд исключительно на императора. Среди чиновников тут же начались оживленные перешептывания. Император долго и внимательно смотрел на сына и спустя некоторое время медленно, с одобрением кивнул.

- Стихи моего сына исполнены истинной силы и глубокого смысла. Они пришлись мне по душе.

Затем тон императора внезапно изменился, стал более торжественным, и он медленно поднял над головой массивный золотой кубок:

- Но разве всё это - заслуга одного лишь меня? - голос императора разнесся по залу, заставив всех замолчать. - Мои кони топтали раскаленные пески и преодолевали горные хребты, но этот триумф стал возможен лишь благодаря непоколебимому единству армии и мудрости моих чиновников. Это вино я посвящаю вам, доблестным военачальникам и преданным советникам!

После этих слов сердца присутствующих переполнились искренним восторгом и благоговением. По залу пронеслась волна движений: сановники и генералы разом поднялись со своих мест, чтобы с воодушевлением выпить за здоровье и долголетие своего государя.

Наложница Нин, внимательно наблюдавшая за происходящим, видела, с каким неприкрытым восхищением чиновники смотрят на наследного принца - особенно те из них, кто обычно

отличался запредельным высокомерием. Почувствовав, что обстановка смягчается, она ощутила, как её внутреннее напряжение немного спало, и невольно, украдкой взглянула на сына. Она знала, что на этот грандиозный пир съедутся абсолютно все члены императорского рода, и потому заранее, до мельчайших деталей, всё спланировала. Выбор павильона Любования Луной стал для неё неожиданностью, но, к счастью, её сын не пострадал и даже сумел извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

Наследный принц, чувствуя, как в нём растёт прилив уверенности и гордости, заметил довольный взгляд отца. С легким, едва уловимым жестом он махнул рукой, и слуги, двигаясь синхронно, внесли его подарки.

- В этот день всеобщего торжества, в день рождения нашей достопочтенной вдовствующей императрицы Сяо, я подготовил особый дар, - торжественно провозгласил он.

Слуги с осторожностью открыли два массивных сундука. В одном из них, бережно обернутые в шелк, лежали аккуратно свернутые свитки.

Ин Фушэн, сохраняя внешнее спокойствие, внимательно проследил за их действиями. Когда первый свиток был медленно развернут, перед присутствующими предстала картина «Десять тысяч скачущих коней».

Вдовствующая императрица Сяо, заинтригованная, подалась вперед, желая рассмотреть детали полотна получше. Она всегда искренне любила зверей, и особенно лошадей. Ин Фушэн, в свое время живя во дворце Милосердного Спокойствия, часто видел подобные произведения искусства, и теперь он понимал: эта картина была написана невероятно уверенной, сильной рукой, а сама бумага выглядела древней и благородной. Это была подлинная работа великого мастера.

Начав с глубоких стихов и преподнеся столь изысканную картину, наследный принц не только виртуозно восхвалил военные походы императора, но и с должным почтением поздравил вдовствующую императрицу Сяо. Этот подарок был подготовлен весьма основательно и продуманно; он явно превосходил по значимости и эстетике дары других принцев, эффективно завоевывая расположение и государя, и вдовствующей императрицы Сяо.

Император одобрительно кивнул, а чиновники вокруг начали вполголоса выражать свое восхищение вкусом и тактом будущего правителя. Вдовствующая императрица Сяо несколько раз похвалила подарок, и по её лицу было видно, что произведение действительно пришлось ей по душе.

Наследный принц буквально сиял от радости, однако он быстро взял себя в руки, возвращая лицу маску сдержанности:

- Я бесконечно рад, что бабушке понравилось. Принесите второй подарок.

При этих словах выражение лица императрицы Сюй слегка изменилось. Она с недоумением посмотрела на слуг, которые вносили в зал незнакомый ей сундук. В замешательстве она тихо, почти шепотом, спросила одного из слуг:

- Что происходит?

Среди тех подарков, которые она лично и с величайшим тщанием готовила для наследного принца, этого предмета определенно не было. Слуги принесли только картину, и прежде чем императрица Сюй успела что-то выяснить или остановить процесс, второй сундук уже с грохотом поставили перед государем. Он был настолько тяжелым, что для его транспортировки потребовалось четверо крепких мужчин.

- Это статуи нефритовых зверей, - наследный принц подал знак открывать.

Как только крышка сундука была поднята, присутствующие в зале ахнули от изумления. Внутри покоились статуи зверей, вырезанные из редчайшего, почти прозрачного нефрита. Они были выполнены с таким мастерством, что казались живыми, застывшими в одном мгновении. Наследный принц, едва скрывая торжество в глазах, подумал о том, сколько трудов было вложено в этот дар: он собирал этот нефрит по крупицам в течение полугода, а лучшие мастера работали день и ночь, не смыкая глаз, чтобы создать эти шедевры.

Лицо императрицы Сюй окончательно изменилось; она непроизвольно поджала пальцы и с тревогой посмотрела на императора. Тот, однако, сидел абсолютно неподвижно. Увидев статуи, он даже бровью не повел. Его взгляд лишь на мгновение задержался на нефрите, а затем снова стал холодным и бесстрастным.

Пока остальные гости перешептывались, искренне восхищаясь чистотой и качеством нефрита, Ин Фушэн оставался совершенно невозмутим. Его взгляд был устремлен не на подарки, а на военачальников. В отличие от гражданских чиновников, от генералов веяло могильным холодом, и при виде этих вычурных статуй несколько высокопоставленных воинов из клана Ци заметно нахмурились.

Наследный принц, ослепленный собственным успехом, не заметил этой перемены. Он начал подробно и с воодушевлением описывать каждую статую, надеясь окончательно впечатлить отца и вдовствующую императрицу Сюя, чье отношение к нему в последнее время стало пугающе прохладным. Он тщательно подбирал слова, пытаясь искусственно связать

нефритовых зверей с доблестью воинов и великими заслугами отца, но его энтузиазм внезапно угас, когда он встретился с холодным, как ледяная вода, взглядом императора.

Наложница Нин, которая только что была искренне рада стараниям сына, вдруг услышала, как вдовствующая императрица Сяо сухо и безучастно произнесла:

- Наследный принц проявил усердие.

Одной этой короткой, лишенной всякой теплоты фразы было достаточно, чтобы сияющая улыбка мгновенно исчезла с лица наложницы Нин, а весь зал погрузился в гнетущую тишину. Многие присутствующие сразу поняли: этот подарок не просто не впечатлил вдовствующую императрицу Сяо - он ей совершенно не пришелся по душе.

Наследный принц застыл, словно пораженный громом. В чем была ошибка? Ведь подарок восьмого принца был куда более вызывающим и нелепым, но он не вызвал такой ледяной холодности...

Он был еще слишком мал, и до этого момента все его подарки тщательно проверялись и одобрялись императрицей Сяо. Впервые в жизни он решил всё организовать самостоятельно, надеясь превзойти всех остальных и выделиться, но теперь его охватила настоящая, удушающая паника.

В полном смятении он огляделся по сторонам и увидел, как старший принц откровенно злорадствует, а другие братья тихо перешептываются, обсуждая его провал. Страх в его сердце быстро сменился жгучим гневом. Этот гнев стал почти осязаемым, когда его взгляд упал на Ин Фушэна. Тот сидел, даже не притронувшись к еде, с таким безмятежным и спокойным видом, будто всё происходящее было бесконечно далеко от него и не имело никакого значения. В глазах наследного принца эта отрешенность выглядела как самая жестокая и безмолвная насмешка.

Когда слуги начали убирать статуи, наследный принц внезапно, с каким-то странным вызовом в голосе, произнес:

- Слышал, что шестой брат долго болел, но всё же нашел в себе силы подготовить подарок для бабушки.

В одно мгновение все взгляды, словно единый поток, устремились на Ин Фушэна.

Наложница Нин была искренне удивлена таким неожиданным поворотом событий, однако в её голове быстро созрел холодный расчет: она подумала, что Ин Фушэн в данной ситуации может послужить удобной ступенькой, на которой наследный принц сможет восстановить свою пошатнувшуюся репутацию, выходя более великодушным и снисходительным на фоне младшего брата.

Императрица Сюй едва заметно шевельнулась, пытаясь подать знак, но наследный принц, ослепленный своим раздражением, совершенно не заметил её предостерегающего взгляда. Она лишь плотнее сжала пальцами четки, спрятанные в широком рукаве, с замиранием сердца наблюдая за тем, как разворачивается эта сцена.

Подношение даров принцами и без того было центральным, самым напряженным событием вечера, а теперь в центре внимания оказался еще и шестой принц. То, что он проживал во дворце Милосердного Спокойствия, не было секретом для двора. И хотя все прекрасно знали, что он находился там лишь для лечения своего немощного тела, в глазах окружающих это выглядело как проявление особой, почти исключительной милости со стороны вдовствующей императрицы Сяо.

Несколько принцев и принцесс, затаив дыхание, приготовились к зрелищу, ожидая чего-то нелепого или даже постыдного. Один из старых чиновников внутренне содрогнулся: он понимал, что если вдовствующая императрица Сяо сейчас не в духе, то неудачный подарок в такой критический момент может обернуться для юного принца настоящей катастрофой.

Под перекрестным огнем десятков любопытных взглядов Ин Фушэн что-то тихо прошептал подошедшему слуге, затем почтительно поклонился и медленно, с достоинством, направился к наследнику. В центре огромного зала было пусто, и вскоре они оказались рядом. Нефритовые кольца на поясе Ин Фушэна слабо, призрачно мерцали в холодном лунном свете, проникавшем в павильон, а его ясные глаза оставались пугающе спокойными.

Слуги внесли его подарок. По сравнению с роскошными и массивными сундуками других принцев, подношение шестого принца выглядело крайне скромно и было значительно меньше по размеру.

Ин Фушэн едва заметно кивнул, и слуги осторожно открыли крышку. Внутри обнаружились два свитка. По залу мгновенно пронесся приглушенный шепот – за весь вечер было подарено слишком много картин, и после величественных стихов и грандиозного полотна «Десять тысяч коней» результат этого состязания казался всем присутствующим заранее предрешенным.

В глазах наследного принца промелькнула неприкрытая насмешка.

- Я подготовил две картины, - произнес Ин Фушэн, слегка махнув рукой, и слуги начали разворачивать первый свиток.

Любой мало-мальски искушенный знаток искусства сразу понял бы, что перед ними не работа прославленного мастера, а нечто, написанное совсем недавно и, судя по всему, любителем. Мазки были неуверенными, линии - нечеткими, лишенными той безупречной строгости, что ценилась при дворе. «Как можно было выставить такое напоказ перед императором и вдовствующей императрицей Сяо?!» - пронеслось в головах многих присутствующих.

Наследный принц недовольно нахмурился, но, заметив, что император с необычайным вниманием изучает картину, внезапно замер.

- Поднеси ближе, - раздался глубокий голос государя.

Это была первая картина за весь вечер, которую император пожелал рассмотреть так близко.

Императрица Сюй тоже присмотрелась к полотну. На картине были изображены кони, воины и тонкие струйки дыма от благовоний, медленно поднимающиеся к самому небу - это была не просто живопись, а картина-молитва. Она сама часто посещала храмы, чтобы искренне молиться за успех военных походов, и даже та картина «Десять тысяч коней», которую она с таким трудом готовила для наследника, была предварительно освящена в храме. Однако наследный принц совершенно не понял этого глубокого замысла, а вот Ин Фушэн - понял.

- Отец сражается на далеком фронте, а бабушка неустанно молится о его безопасности и благополучии, - Ин Фушэн низко опустил голову, выражая глубочайшее почтение. - Солдаты Великой Юань сражаются долго и тяжело, и жители столицы в едином порыве молят богов о защите, чтобы уберечь живых воинов и упокоить души павших.

Император приказал немедленно передать картину вдовствующей императрице Сяо. С самого начала пира он обратил внимание на этого ребенка, о котором почти ничего не знал, и теперь в нем проснулось искреннее любопытство.

- Бабушка, взгляни и ты, - мягко произнес он.

Вдовствующая императрица Сяо и прежде была благосклонна к Ин Фушэну. Вспомнив, что ей недавно докладывали, как Сяо-Лю с необычайным усердием просил принести ему тушь и бумагу, она окончательно прониклась глубокой симпатией к замыслу этой картины.

Такое неожиданное отношение императора заставило наследного принца внутренне напрячься, а лицо наложницы Нин стало мертвенно-бледным. Она совершенно не знала, что

именно готовил Ин Фушэн, и теперь, видя успех сына, она осознала, что все вокруг могут подумать, будто это именно она помогла ему с выбором. Она чувствовала себя так, словно сидела на раскаленных иглах, судорожно сжимая в руках шелковый платок.

Но на этом сюрпризы не закончились. Когда гости только начали оживленно обсуждать первую картину, сверху, с императорского трона, вновь раздался властный голос:

- Разверните и вторую.

Ин Фушэн на мгновение замялся, выказав легкое, почти незаметное смущение. Эта внезапная нерешительность показалась императору забавной и даже милой – до этого момента ребенок держался слишком официально и чопорно, а теперь вдруг проявил естественную детскую непосредственность.

- Что такое? – с легкой усмешкой спросил император.

Ин Фушэн медленно развернул второй свиток. Мазки на нем выглядели еще более хаотичными и странными, чем на первой картине.

- Что это? – нахмурился император, искренне недоумевая.

- Это картина благовоний, – тихо, но уверенно объяснил Ин Фушэн. – Я попросил у монахов пепел от сгоревших благовоний и использовал его вместо обычной туши... Эти следы оставили паломники, которые приходили в храм, чтобы молиться. В этом пепле заключена истинная сила молитв простых людей. Я не мог покинуть пределы дворца, но в этом свитке собраны самые искренние пожелания учителей и простых горожан... Картина может быть неумелой, но в ней – сердца всего народа, обращенные к воинам и императорскому дому.

В этот миг все чиновники в зале осознали истинный смысл подношения: это была картина, в которой слились молитвы сотен и сотен семей. Великая Юань, измотанная бесконечными войнами, остро нуждалась в отдыхе и утешении. Император, щедро одаривая военачальников, стремился успокоить их сердца и укрепить верность. И в то время как наследный принц дарил холодный нефрит, который лишь подчеркивал его богатство и статус, шестой принц собрал невидимые молитвы народа, чтобы утешить воинов и прославить императора как истинного защитника людей.

Это был поистине идеальный подарок, безупречный в своей простоте и глубоком смысле. В зале воцарилась абсолютная, звенящая тишина, которую спустя мгновение прорезал громкий, искренний смех, раздавшийся сверху. Император смотрел на Ин Фушэна с явным, неприкрытым удовольствием и гордостью.

- Молитвы сотен семей... – проговорил он, и в его голосе зазвучало истинное уважение. – Этот дар поистине бесценен.

<http://bllate.org/book/18055/1731079>